

Волчий закон -2 / повесть

Category: Kitapcy, Powestler

написано kitapcy | 22 января, 2025

Волчий закон -2 / повесть

Зайчатина быстро утолила голод, и, набив брюхо, волчица почувствовала, как она устала, как вымотали ее голод и долгие поиски пищи. Сон сморил ее, и она немного поспала прямо там, где ела. Спала недолго, но проснулась полной сил и как бы помолодевшей. И первое, что услышала, – блеяние овец. Оно приблизилось, стало таким отчетливым в ночной тишине, что никакого труда не составило вообразить топчущихся по кругу овец с жирными курдюками. И представив это, волчица тихонько завывала от вожделения.

Она легко поднялась на ноги, несколько мгновений постояла в нерешительности, а потом медленно, как бы против собственной воли, двинулась по направлению к отаре. И если прежде, когда ее гнал голод, волчица была близка к отчаянию, то теперь, насытившись, она исполнилась беззаботного куража. Она поднялась на вершину холма и оттуда понаблюдала за овцами, мирно пощипывающими травку при свете вышедшего из-за туч месяца, за пастухами, беззаботно спящими возле догорающего костра, и за их собаками, дремлющими рядом с хозяевами. И чем дольше она следила за ними, тем увереннее себя чувствовала.

Все благоприятствовало хорошей охоте. Во-первых, овцы устали от ночного перехода и будут легкой добычей. Во-вторых, судя по многим приметам, чабаны принимали гостей. А когда на чабанском коше ночной гость, там допоздна едят, пьют и веселятся. Теперь людям не до овец. Они не то, что волка преследовать, еле ходить могут, а если начнут палить из ружей, то чего доброго друг друга перестреляют. И, наконец, собаки. От них сейчас тоже не много проку. Они смелые, когда чувствуют поддержку людей, когда те подзадаривают их криками. Теперь же, когда люди спят, как убитые, собаки тоже пользуются моментом. К тому же им наверняка кое-что перепало, когда резали овцу и готовили угощение. А сытость – мать лени. Так что и псов можно сейчас

не очень-то бояться.

Сейчас если и следует кого опасаться, так это осла. Вон он, даже не развьюченный пасется среди овец. Несмотря на свои весьма внушительные размеры и твердые, точно камни, копыта, осел очень труслив. Присутствие хищника он чувствует раньше овец и собак. И в этот раз, стоило только на миг перемениться ветерку, как осел почувствовал близость волчицы. Он насторожил свои длинные уши, стал рыть копытом землю и заревел «и-а, и-а», захлебываясь собственным криком, словно на него икота напала. Осел разбудил собак. Задирая морды, с громким, звонким лаем они носились из стороны в сторону, но определить, где волчица, не могли. От костра они предпочитали не удаляться, и волчица догадывалась, что их сердца сейчас переполнены страхом. Это еще больше раззадорило ее. Она негромко зарычала и поднялась. Сейчас она не боялась ни собак, ни людей. Волчица чувствовала себя сильной, смелой, ловкой и ей хотелось показать себя. Она живо вообразила, как, сея панику, подобно смерчу нападает на отару, валит умирающих от страха овец, кусает жирные курдюки. Ей показалось, что она уже чувствует жаркий, душный, пьянящий запах крови. Волчица вздохнула полной грудью, но ощутила не запах крови, а свежесть приближающегося ливня. Тяжелая черная туча стремительно надвигалась с севера, и это тоже было кстати — дождь смывает все следы.

Как ни странно, но пресыщенность лишает рассудка почти так же, как и голод. Однако если голод, ставя перед выбором между жизнью и смертью, вынуждает презреть опасность, то пресыщенность лишь притупляет инстинкт самосохранения. Два года волчица старательно обходила отары и стоило ей только услышать далекое блеяние овец, как она точно наяву видела перед собой огромного и черного, как гора, охотника, и тупая внутренняя боль начинала припекать обрубок хвоста. Сейчас желание насладиться риском было столь сильно, что волчица хоть и вспомнила о черном охотнике, но теперь он представлялся ей таким же неловким и не очень смелым, как и все прочие люди.

Почти не таясь приблизилась она к отаре, и, когда овцы, почувствовав ее, с тревожным блеянием кинулись врассыпную, волчица напала на них, сея смерть и ужас. Она набросилась на жирную овцу, но,

завалив ее, не успокоилась, переломила хребты еще двум-трем овцам и наконец, зарезав пронзительно блеявшую ярочку, почувствовала, что пора уходить. Собаки все еще не кинулись в погоню, а она уже перевалила бархан и там сбросила на песок свою добычу. На сытое брюхо ноша показалась ей чересчур тяжелой. Медленно обошла она вокруг некрасиво упавшей дохлой овцы, потом опустилась на песок рядом с ней и положила переднюю лапу на измазанный липкой кровью бок своей жертвы. Волчица отдыхала, время от времени озираясь, и, пока она так лежала, аппетит совсем пропал.

К своему логову волчица добралась, когда уже почти совсем рассвело. Небо было плотно затянуто тучами и из-за этого казалось, что ночь отступает медленней, чем обычно. Из предосторожности некоторое время волчица путала следы. Вместо того, чтобы спуститься в нору, она прошла дальше, четко отпечатывая следы на отсыревшем за ночь песке. Она шла широким шагом, изредка переходя на трусцу, потом прыгнула в сторону и, осторожно ступая то траве, сделала широкий полукруг, заходя к норе с подветренной стороны. Там она поднялась на взгорок и еще раз внимательно оглядела окрестности. Не заметив ничего подозрительного стала спускаться к норе, скрытой от посторонних взоров зарослями тамариска. Дойдя до них она дважды негромко подала голос, предупреждая волчат о своем возвращении. Щенки спали, сбившись в кучу, перед самым входом в нору. Самый сильный и ловкий из них, тот, что был сверху, узнал ее голос, очнулся, замотал головой, прогоняя сон, потом соскочил на землю и – боком, боком, – подпрыгивая и урча, направился ей навстречу. Следом побежали остальные.

Волчица обнюхала волчат и убедившись, что причин для беспокойства нет, прошла к ровной площадке слева от норы, где обычно кормила свое потомство. Там она прилегла, чтобы немного отдохнуть, но голодные волчата насккивали на нее и пытались добраться до сосцов, хотя она давно уже не кормила их молоком. Волчица угрожающе зарычала на них, но, зная, что так их теперь не утихомирить, поднялась и стала отрывивать полупереваренные куски мяса.

Щенки с жадностью набросились на пищу, а волчица с умиротворением наблюдала за ними. Всякий кусок доставался волчатам с бою; надо было оттолкнуть, оттереть от него ближнего своего, а если тот не хотел отступать, то уж совсем нешуточно цапнуть его за ляжку, расчищая себе путь к вожаке. Увы, такова жизнь. Волчица и не думала защищать слабых. Напротив, она всем сердцем болела за самого шустрого и сильного волчонка, того самого, что первым кинулся ей навстречу, когда она вернулась. Этот не пропадет, знала она и радовалась, когда именно ему доставались самые лакомые куски. Из всего помета он казался ей самым привлекательным.

Волчата быстро все съели и, хотя знали, что больше им ничего не перепадет, облизываясь, с надеждой поглядывали на мать. Но та решила, что настало время игры. Она подошла к своим детенышам и, легким шлепком опрокинув самого сильного из них, сама повалилась на бок, показывая, что позволяет им напасть на себя. Несколько дней назад она принесла им полузадушенную лису. Волчата до ночи терзали ее, и эта наука пошла им впрок. Сейчас их атаки стали стремительными, а укусы порой причиняли боль. Волчица быстро утомилось игрой, и это ее даже немного встревожило. Скрывая свою растерянность, она грозно зарычала на волчат, стряхнула их с себя и поднялась. Ей хотелось спать. Но сначала она пошла к небольшому, всего в пять-шесть шагов длиной озерцу, оставшемуся после первых весенних дождей, что было неподалеку от норы и, подползая на брюхе к самой воде, стала жадно, словно бы измученная жаждой, лакать ее. После этого волчица поднялась на поросшую низким кустарником вершину холма и оттуда долго озидала пески. Доверяя обонянию больше, чем зрению, раз за разом прихивалась к ветерку, но ничего необычного не различала, а только запах приближающегося дождя и густой аромат цветущей степи.

Своего первого волка Клыч взял, когда ему едва исполнилось двенадцать. Детство его пришлось на военные годы. Мужчины, под защитой которых село было точно за каменной стеной, ушли на фронт, в домах остались немощные старики, дети да женщины.

Волки сразу почувствовали это и обнаглели. До того даже ночью обходившие Саганали стороной, теперь они нападали и днем, резали скот, безобразничали на бахчах. Чувствуя, что нет им отпора, стали угрожать даже людям. Клыч на всю жизнь запомнил тот день, когда на пути серых разбойников оказался их дом. На рассвете мать отправилась в хлев задать корма скотине, и глазам ее открылась страшная картина: ночью волки зарезали корову и двух овец. Дико завывала Акбиби-эдже. Когда Клыч прибежал на ее крик, мать обняла, прижала его к себе и залилась слезами. Вот так стояли они посреди разора, и Клыч, которого самого душили слезы, пытался успокоить мать:

– Не плачь, мама, не плачь. Вот вернется отец, он им покажет. А корову другую купим, с теленочком...

Но Акбиби-эдже не стала дожидаться возвращения мужа. На следующий день, взяв с собой Клыча, она отправилась в пески. По дороге к ним присоединился Мамет. Вот тогда Клыч впервые увидел, как ставят капканы, как выбирают для них место. После того, как Акбиби-эдже укрыла ловушки травой и хворостом, она достала чекушку с какой-то желтой жидкостью и окропила из нее все вокруг. Мамет объяснил, что это моча волчицы. Ее запах привлечет волка – так всегда делал отец, он же и добыл эту приманку из мочевого пузыря убитой им волчицы.

Ночью Клыч не мог заснуть. Тогда он впервые узнал, как длинны бессонные ночи. До этого ему казалось, что ночь пролетает, как одно мгновение, кажется, только опустил голову на подушку и вот уже тебя будит мама. В тот день будить его не пришлось. Попив чай, они отправились проверять капканы. На всякий случай Клыч захватил крепкую сучковатую палку, но она ему не пригодилась. К капканам не пошли. Поднялись на вершину бархана и оттуда увидели, что в двух их капканах есть добыча. Они побежали в село. «Люди, мы волков поймали! Люди, мы волков поймали!» – кричали они, задыхаясь от быстрого бега.

Чуть ли не все саганалинцы отправились добивать волков. Обезумевший от боли зверь бился, пытаясь разжать стальную хватку. Люди со всех сторон окружили его, и стали бить палками, закидывать камнями. Всю накопившуюся злобу выместили они на этих волках, но этого показалось мало. Дохлых волков

поволокли к селу и там, привязав к шестам, оставили на устрашение другим хищникам, мол, знайте, что и вам здесь не поздоровится. Тот день стал большим праздником для всего села. Все были счастливы, словно не волков, а Гитлера победили. И как всегда праздник не обошелся без ссоры. Две женщины заспорили: каждая доказывала, что это именно ее удар оказался для волка роковым. Вот тогда наконец и вспомнили о тех, кто взял волков. Стали благодарить Акбиби-эдже. Разменявший восьмой десяток Берды-ага обнял старческими сухими, дрожащими руками Клыча, прижал его к своей груди: «Ты, сынок, сегодня двух фашистов убил, что жить селу не давали!». Сначала Клычу показалось, что старик оговорился, но потом он догадался, что имел ввиду аксакал.

Тот день был одним из самых счастливых в его жизни. Вспоминая его, Клыч невольно улыбался. Однажды Шемшат призналась, что тоже запомнила тот день. Она вместе с матерью ходила смотреть на убитых волков, тогда и приглянулся ей Клыч. Уж лучше бы она не признавалась ему в этом. Теперь в хорошем настроении Клыч не упускал случая похвастаться, что он любим ею с детства, и всякий раз, расстилая волчью шкуру, с улыбкой спрашивал: «Ну, так как ты ко мне относишься?».

После того случая серые реже нападали на село. А Клыч, несмотря на юный еще возраст, вскоре стал известным на всю округу охотником на волков. Узнал их повадки, научился выслеживать, а однажды, как говорится, на своей собственной шкуре убедился в том, что волк не сдается до последнего. Попавший в капкан зверь прыгнул на Клыча, повалил парнишку и хорошо, что тот успел прикрыть лицо, а то мог остаться без глаза. Но шрам от стального волчьего когтя, распоровшего щеку, остался Клычу украшением на всю жизнь. Хищника он тогда одолел, хотя был напуган до смерти и, чтобы победить страх, выпил крови убитого им волка, чье бездыханное, но еще не остывшее тело лежало у его ног.

Он не прекратил охотиться на волков, даже когда было указание беречь их, дескать стало их чересчур мало. Вот этого Клыч никак не мог взять в толк. Как может стать слишком мало зло? Зло оно и есть зло, его в мире всегда предостаточно. И уж

будьте покойны, оно обязательно найдет себе лазейку. Так, в общем-то, и случилось: прошло несколько лет, и запрет отменили, но волки уже так размножились, что теперь бить их разрешили в любое время года.

На волков Клыч охотился всегда в одиночку. Приходилось ему, конечно, и капканами пользоваться, но все же он сам предпочитал выслеживать зверя. Едва различимые отпечатки могли сказать ему много: волк или волчица проходили здесь? сколько лет зверю? сыт он или голоден? давно ли рыщет?..

Тому, кто умеет читать следы, дело в селе всегда найдется. То у кого-то корова пропала, то еще что-то, случалось ему идти и по следу человека. Было ему под тридцать, когда в песках напали на него несколько человек. Избили крепко, повредили правый глаз. Мамет-ага не отходил от брата, пока Клыч не встал на ноги. И кормил, и поил его. А однажды, когда дела уже пошли на поправку, высказался начистоту:

– Не забывай, Клыч, что ты среди людей живешь. Сколько раз я тебя просил: прекрати. Нет, не слушаешься! А я знаю, что говорю. Посмотри, ты даже с людьми по-человечески поговорить не можешь. Сразу ляпнешь, что думаешь. Нельзя так, дорогой братишка. Ты скажи, что хочешь, но вроде в шутку, улыбнись. Тогда, хоть и обидны слова, все их стерпеть легче. А если откровенно, так лучше уж и вовсе молчать. Мало ли вокруг воровства?.. Не один ты это видишь, только, кто поумней – помалкивает. Вот и ты: посматривай, да помалкивай!

Клыч и сам замечал, что люди сторонятся его, словно побаиваются. Встретится он со знакомым на улице, так тот спросит его о жите-бытье и уже торопится распрощаться, придумает, что, мол, у него срочное дело, или еще какую отговорку. И даже тот, кто любит поболтать, в его присутствии взвешивает каждое слово, старается выглядеть рассудительным и степенным, хотя сам понимает, как неестественно это выглядит. Правда – она, что черствый хлеб, им и поперхнуться можно. Людям нравится, что помягче да послаще. Даже друзья юности не то, чтобы отвернулись от Клыча, но все же отношения с ними стали иными. Перестали бывшие приятели приходить к нему «на пельмени». Да и он сам теперь все реже ходит в гости. Куда

пойти есть! Немало есть домов, что могут согреть его своим теплом, радушием и гостеприимством. Но вот беда, придет он поговорить по душам, а приятель с детьми своими или с внуками даже играет. Увидит, кто пришел и торопиться детей из комнаты выпроводить (Клыч порой едва успевает детишкам гостинец вручить), а потом старательно обходит «опасную», как ему кажется, тему: о детях – ни полслова. Вот и приходится весь вечер в шахматы играть.

Доиграв партию, он, понутив голову, отправится домой. Но для человека, который умеет читать следы, даже пустынная улица полна жизни. Привычка подмечать все необычное, порой даже против собственного желания, невольно делает его соучастником чуть ли не всех важных событий села. Разве может остаться он равнодушным, если увидит, что сосед, который вечно на все жалуется, всегда чем-то недоволен, на этот раз бежал домой радостный, чуть ли не в припрыжку. Увидев такие следы, Клыч непременно в мыслях пожелает, чтобы радость в доме соседа поселилась навсегда. Если же заметит след вора, а такой след всегда выделяется среди других, не поленится и вместо того, чтобы идти домой, отправится к вору и заставит его вернуть украденное.

Воруется тот, кто надеется выйти сухим из воды, избежать позора и наказания. Если бы каждый посягнувший на чужое добро знал, что дела его тайной не останутся, то, наверное, поостерегся бы позорить себя и своих детей. Увы, вор о будущем задумывается редко...

В прошлом году, когда Клыч пошел по следу вора, укравшего из дома зав.фермой большую сумму денег, он почти не удивился, когда в конце концов поиск снова привел его к Абраю. В прежние времена такое было немыслимо, но за последние годы Клыч уже всему перестал удивляться. Часто настоящий жулик не тот, кто ограбил, а тот, кого обворовали. Клыч заподозрил недоброе, еще когда Шах – дадут же люди прозвище человеку! – пришел к нему с просьбой найти вора. Уж очень тот не хотел говорить, сколько у него украли. И так крутил, и эдак, а суммы не называл. Почему? Ну, это понятно. Если бы Клыч слышал, сколько взяли денег, он бы, пожалуй, первым делом стал выяснять, откуда столько у

зав.фермой. Вора Клыч обнаружил без особого труда, а потом, как шутили односельчане, пошел по его следу в обратном направлении. На суде, когда объявили приговор, Абрай-шах кричал, что – даст Аллах живым и здоровым вернуться из тюрьмы – так уж он рассчитается с Клычем.

Совсем не так он вел себя, когда стали приоткрываться его темные делишки?! Человек, которого почти всерьез величали Шахом, который, казалось, одним своим видом может горы сокрушить, поник, словно из него пар выпустили. Как ему хотелось замять скандал, как он крутился вокруг Клыча, чтобы все осталось шито-крыто. Когда посулы не подействовали, стал бить на жалость. Детьми своими, точно щитом, прикрылся – пришел к Клычу со всем своим семейством. Дети ныли, а Абрай под эту музыку умолял: «Пожалей детей, Клыч! Ты только молчи, а я сам все улажу, с кем надо договарюсь». Ему, наверно, казалось, что он нашел у Клыча слабинку, куда можно «выстрелить». Но эффект получился совсем иной – Клыч рассердился. «Да не унижайся ты так, Абрай!» – сказал он в сердцах, дав понять, что разговор окончен.

Но Абрай-шах не успокоился. В дом к Клычу стали приходить его послы. Все это были уважаемые, почтенные люди. А разговоры их сводились к одному: негоже, мол, меряться силами с человеком оступившимся, да и вообще – жизнь коротка, надо со всеми жить в мире. Ну, а раз такой случай, то и для себя некоторую выгоду извлечь не грех, говорили они, подразумевая под этим вознаграждение. Абрай был человеком щедрым, не привык считаться с расходами, и мало кому в селе не приходилось обращаться к нему за помощью. Теперь все полагали, что стоит Клычу перестать упрямяться и будущее его обспечено на долгие годы.

Известно, сердце человеческое – не камень. Оно поддатливо, точно воск, отзывчиво на чужую боль. Но если после стольких уговоров, после детских слез, после увещевания почтенных старцев сердце не смягчилось, может, это плохое, жестокое сердце? Оно, наверно, и не каменное даже, а стальное. Кому приятен жестокий, немилосердный человек? Но станет ли лучше жизнь вокруг, если «каменное» сердце помягчает? Эти мысли

принесли Клычу немало страданий.

Среди заступников Абрая только Мамет был человек простой, без особых заслуг, без высокой должности. Но он был уверен в себе. Ему даже в голову не приходило, что брат может отказать ему в просьбе. Поэтому, когда Абрай обратился к нему с жалобой на Клыча, он поклялся, что все уладит. Когда же и его слова остались неслышанными, он очень обиделся на младшего брата. Ведь он же поклялся! Теперь сам оказался в неловком положении. Мамет-ага решил, что больше ноги его не будет в доме у Клыча. Однако дней через пять-шесть пришел. Пришел рано утром. Всю ночь он не сомкнул глаз, тоска одолевала его. «Как дела, Клыч?» – ласково поинтересовался он и сел напротив брата. Шемшат тоже не сводила с Клыча глаз. Мамет спокойно, улыбаясь, выпил чайник чая и ушел...

Клыч лежал, размышляя над тем, что происходит, когда кто-то пришел. Прислушавшись к звуку шагов, он легко узнал походку старшего брата и в тоже время это были шаги неуверенного в себе, чувствующего свою вину человека. Это нетрудно было понять потому, как гость топтался у порога, не решаясь открыть дверь.

Потом Мамет дважды кашлянул, как бы предупреждая хозяев о своем приходе, и только после этого вошел. Некоторое время он стоял в дверях, пока Клыч взглядом не указал ему, где сесть. Он долго усаживался, потом обвел взглядом стены. И внезапно сильнее, чем обычно, Мамет ощутил особый, какой-то нежилой запах этого дома. Он взглянул на Шемшат, которая как раз в это время вошла в комнату и сдержанно его поприветствовала, кивнул ей, и в голову ему пришла мысль, что сколько не мой, сколько не скреби в доме, но если нет в нем запаха материнского молока и мокрых пеленок, то откуда появится жилой, уютный дух. Не поднимая головы он некоторое время наблюдал за Клычем, который лежал облокотясь на две пуховые подушки, и мысленно повторил те слова, что придумал дорогой от дома для того, чтоб ненароком не обидеть брата. Потом, точно собравшись духом, заговорил негромко, но вместе с тем решительно:

– Я так и не понял, Клыч, что тебя сегодня утром расстроило.

Не сумел выяснить, вот и решил по дороге на работу заглянуть... Клыч не дал ему продолжить.

– Мамет, не расстроило это меня, поверь – больше терпеть, видеть этого не могу! Слишком много воли ты сыну даешь, добром это не кончится. Вот увидишь, станет он ничтожным человеком.

– Ничтожным? – переспросил Мамет, словно не расслышал.

– Да! – сердито подтвердил Клыч, не сумев погасить охвативший его гнев. – Эта свинья лжет людям в глаза и еще клянется молоком матери. Ты сам в этом виноват. Все ему позволено, все ему непочем. В прошлом году, когда он магнитофон у соседей украл и его поймали, разве не клялся он молоком матери, что к чужой вещи теперь даже пальцем не прикоснется? И что же?... С каких это пор материнское молоко так подешевело?

– Да, я, братишка, понимаю, что ты неспроста беспокоишься, очень хорошо понимаю, только ты мне толком объясни, что он сделал?

– Снова украл!.. Но это – я по глазам твоим вижу – тебя нисколько не беспокоит.

– Украл, говоришь? Так ты из-за этого, братишка, шум поднял? А я думал небо на землю свалилось. Воровство – тоже невиданное дело! Да кто сейчас честно живет? А? Пойми, братишка, каждый человек ищет выгоду от своей работы, а ты говоришь – воровство. Да если всех, кто не только на честные деньги живет, за решетку сажать, то мно-о-ого наших односельчан в тюрьму угодит. Ну, скажи, скажи мне, кто живет честно. Назови, хоть одного. А уж я тебе объясню, какой он честный и сколько его честность стоит.

– Вот это ты умеешь.

Мамет сделал вид, что не расслышал.

– Ну, что этот негодяй на этот раз отмочил?

– Клуб обчистил.

– Колхозное? – удивленно сказал Мамет-ага. Он покачал головой и ухмыльнулся. – Родной колхоз обворовал, а? Ты только посмотри, что он вытворяет? Это нехорошо. Как бы я его не любил, придется на этот раз серьезно с ним поговорить.

– Поговорить?! Ты думаешь этим кончится? Да его судить будут!

- Какой еще суд! – запальчиво воскликнул Мамет-ага.
- Обыкновенный.
- Вина его доказана?
- Там его след.
- След? Тоже мне – доказательство. Это не страшно. Да мы от этого просто-напросто откажемся.
- Как это откажетесь? – возмущенно произнес Клыч. – Это ведь правда.
- Ну и что? Наивный ты, братишка, человек. Конечно, в том, что Умыт в клуб залез, ничего хорошего нет, но если дело до суда дойдет мы ничего признавать не станем.
- Даже правду?
- Правда, ложь – это, братишка, одни слова.
- Но это же подло.
- Ну и пусть.
- Да, теперь я тебя наконец понял.
- Ну и слава Богу! Я прежде и сам таким, как ты, был, думал все в жизни просто и правильно. А потом, когда эта самая жизнь дала пару раз по загривку, тогда и смекнул, что она посложней, чем кажется.
- Выходит, ты ничего против того, что твой Умыт – вор, не имеешь? Тебя это не тревожит.
- Как это не тревожит. Тревожит. Ну и что... Сам ведь знаешь, – Мамет-ага нахмурился, вздохнул, но этот вздох скорее походил на стон, словно кто-то разбередил ему старые раны. – Почему я ему имя такое дал? А потому, что он последняя моя надежда. Единственный сын, младший. Дочки... Дочки они не в счет, вышли замуж и нет их. Они в доме гости. А мне в доме не гость нужен – настоящий хозяин. Он – что правда, то правда – моя слабость. Знаешь, даже строго с ним поговорить не могу. Кажется, накричу на него, а он, как и первенец наш... Ты пойми меня, пойми, – голос Мамета звучал просяще, но в тоже время искренно. – Душа горит, когда вижу, каким он стал. А что делать – терплю. Все мои пожелания добрые, скажу тебе, боком выходят. И машину для него купили, и невесту уже присмотрели – нравится ему девушка, как школу закончит, – поженим. Но он разве ценит. Чем больше для него делаешь, тем дальше он от нас становится. Только я

тебе, братишка, вот что скажу. Смотрю я, как некоторые живут, и хочется, чтобы Умыт тоже таким стал – хитрым, решительным, мог сам о себе позаботиться. Посмотри, иной устроится в магазин – и как живет?.. В достатке, да в хорошем достатке. Что я хорошего в жизни видел – одни трудности, так пусть хоть Умыт ничего этого не знает. Разве для себя я с таким трудом дом строил?..

– Да, брат, если на жизнь сетовать надо, ты в этом деле никому не уступишь. Знаешь, как тебя люди за глаза называют? Зейренчгулы¹.

– Вах, тоже мне – удивил!.. Теперь так ведется: в глаза тебя должен хвалить, а другого – поносить, и чем больше гадостей ты о нем скажешь, тем лучше. А подойдет к вам этот самый другой, ты ему улыбайся и приятные вещи говори. Это всем известно...

– Жалуйся, жалуйся. Жизнь – плохая, времена – плохие, а ты сам – несчастная безвинная птичка.

– Нет, нет, Клыч, слава Аллаху, жизнь у меня прекрасная. И на время нынешнее я тоже не жалуюсь. А вот люди некоторые... Но все равно знай, Клыч, чего бы это мне не стоило, сына я защитить сумею. Он моя надежда. – И заметив, что Клыч собирается ему возразить, Мамет-ага прибавил. – Может, поддержки мне от него будет не много,

но ведь утопающий и на соломинку надеется. Ну, а с клубом дело поправимое. Поднесу что-нибудь председателю, он все и уладит. А ты, братишка, вот что пойми?.. Подумай, отчего это председатель не милицию вызвал, а тебя пригласил? Что ему стоило туда позвонить? Между прочим, милицейские овчарки в следах получше твоего разбираются. А тут все просто. Позвони он в милицию, ему от этого дела никакой выгоды не будет. А так – хоть сколько, да перепадет. Да, брат, вижу, ничему ты не научился, когда «помогал» Абрай-шаху.

Мамет-ага налил из стоявшего перед ним чайника полпиалушки уже негорячего чая и сделал несколько торопливых глотков. Словно опасался, что, если Клыч что-нибудь скажет, он не сможет сразу же дать ему отпор. Но Клыч молчал, низко склонив голову, и Мамет-ага позволил себе немного расслабиться. Он пил чай,

время от времени поглядывая на брата, и пытался понять, когда и почему разошлись их дороги. «Вот как в жизни бывает: исток – один, а русло у каждого свое, – подумал он и сокрушенно покачал головой. – Эх, Клыч, нравится тебе людей выслеживать – выслеживай, мне до этого дела нет. Да что я могу?.. Даже если я против, ты все равно по-своему поступишь, своя голова на плечах. Хотя, откровенно говоря, когда тебя люди хвалят, мол, того вора Клыч поймал, этого выследил – и мне приятно бывает, горжусь, даже горло от волнения сжимает. Но... Мне страшно за тебя, брат! Ты ведь у меня единственный близкий человек, с кем могу и радость разделить, и заботы в трудный день. Когда вижу тебя, на сердце благодно становится. Вот почему не нравится мне, что ты людей выслеживаешь, словно волков. У тебя на уме лишь работа и охота. А рядом есть люди, что поопасней волков, они на самую жизнь охотятся, чтоб покорить и подчинить ее себе. Кто ты против них? Беспечный простака!.. Столько на белом свете прожил, а нет у тебя ни хитрости, ни ловкости. Теперь-то уж себя не переделать, понимаю, но – ради Бога! – будь осторожней, брат!». О, как хотел, как мечтал Мамет-ага сказать все это Клычу. но, увы, эти слова так и остались произнесенными вслух!

Затянувшееся молчание нарушил Клыч. Он сел и, испытующе глядя на брата, сказал:

– Ты что, Мамет, ждешь, что я тебе сейчас соболезновать стану? Извини, но уж как-нибудь в другой раз, когда сможешь в глаза смотреть, вины за собой не чувствуя. Я совесть свою обманывать не желаю. Ей-то зачем страдать? Тебе вот что скажу: пусть Умыт свое получит. Уж если он по этой дорожке пошел, то раньше или позже лоб себе разобьет. Только, знай, потом больней будет. А что ты о председателе говорил... Пойдем, я у него напрямик спрошу.

– Это был разговор между нами, если разнесешь, смотри – на меня не обижайся! – голос Мамета сорвался в крик.

– Мамет, вышел я из того возраста, когда меня можно было испугать. Шило-то в мешке не утаишь.

– Если ворошить не станешь, никто про то шило и не вспомнит.

Под окнами раздался треск мотоциклетного мотора – кто-то

приехал. Клыч поднялся и вышел из комнаты, а некоторое время спустя вернулся, ведя какого-то парня с длинным лошадиным лицом.

– Ты чайку попей, пока я соберусь, – говорил Клыч.

– Старший чабан к вам послал, – объяснял парень, смущенно поглядывая на Мамет-агу. – Того гляди дождь пойдет. Старший чабан даже просил Повелителя дождя, чтобы он, Буркут-баба, повременил немного. Старший чабан так и сказал: «пока Клыч свое дело не сделает». А мне старший чабан говорит – езжай быстрее и, как найти вас, объяснил.

Мамет-ага поднялся, окинул незванного гостя с головы до ног изучающим взглядом. Парень ему не понравился. Не нравилось, что глаза у того беспрестанно бегают, что он через слово повторяет «старший чабан», «старший чабан». Не случилось бы беды, подумал он.

– Пойду я, Клыч, – сказал он. – А ты, когда вернешься, загляни ко мне. Надо договорить.

– Подожди, сейчас Шемшат покушать принесет.

– Я уже пообедал. На работу надо. Трактор-то посреди улицы. Так ты зайди, когда вернешься, не забудь.

Клыч проводил брата до дверей и отправился на кухню, придумывая на ходу, как бы помягче сообщить жене, что он уезжает. Пока он топтался, не зная с чего начать, Шемшат, с улыбкой глядя на него, заговорила сама.

– Что, старый, аппетит появился?

– Да, понимаешь...

– Понимаю. Утром, когда в пески не поехал, аппетит у тебя пропал. А теперь Аллах, видно, твои молитвы услышал. Я же слышала, что кто-то на мотоцикле приехал. Отправляйся. Что делать, когда возраст такой подошел, что дома с женой не сидится. Езжай, езжай!..

– Да что ты, Шемшат. Ведь ты-то меня знаешь...

– Ладно, что ты меня уговариваешь. Не к лицу в твои годы простачком прикидываться. Я же сказала – езжай. Только уж не задерживайся надолго.

Клыч сразу повеселел, стал разговорчивым.

– Не задержусь, Шемшат. Тотчас прилечу. Что делать, не

заставлять же людей себя умолять. На отару волк напал, овец порезал и ушел. А я ведь тебе рассказывал, что волк, если ему где удача сопутствовала, обязательно на это место снова вернется. Так что от него сейчас избавиться надо. Чабаны там волчий след огородили, но погода-то видишь какая, того гляди дождь начнется, – говорил он увлеченно, уже весь в предвкушении предстоящей охоты, а потому даже не сразу заметил, что Шемшат, собирая провизию в дорогу, его даже не слушает. – Ну, что ты, Шемшат, голову повесила! – воскликнул он в сердцах. – Не хочешь, чтобы я ехал?

– Да что ты, езжай, если надо.

– Ну вот, опять кошачьи нежности. Чего ты обижаешься, я ведь десять дней дома сидел.

– Да просто настроения нет, Клыч.

– Что так?

– Сама не знаю.

– Может, заболела? Врача привезти?

– Не надо. Ты мне лучше из песков шпинат привези, – попросила Шемшат. – Помнишь, привез как-то, я еще чебуреки пожарила. Такие вкусные получились. Что-то снова мне чебуреков со шпинатом захотелось. Кажется, съем, и сразу мне легче станет. Так что, если сможешь, собери.

– Сделаем! – Клыч внимательно посмотрел на жену. – Ты, случаем, не забеременела?

– О-о, придет же тебе в голову! Да я такой радостью сразу бы с тобой поделилась. Нет, в наши с тобой годы не так-то просто угодить желаниям, старый.

– Старый, старый... Сколько раз просить, не говори так.

– Не хочешь признавать, что старость пришла?

– Жаль, уезжать надо. А то бы ты сейчас узнала старый я или не старый.

Шемшат замахала руками.

– С тобой и пошутить нельзя. Вот бери, – она протянула ему узелок с едой. – Не задерживайся.

– Завтра утром вернусь. А если повезет, то сегодня вечером.

Они вышли из дома. Парень уже ждал его, стоя возле своего мотоцикла.

– Ой, совсем забыла, – вдруг воскликнула Шемшат. – Надо же нам к маленькому Клычу пойти, родителей его поздравить.

– Что за Клыч?

– Я же тебе говорила. Аман приходил, сын у него родился. Он его в твою честь Клычем назвал. Просил прийти в гости.

– Что, только сегодня сын родился и он сразу же той устраивает? Пусть жена его из больницы выпишется, тогда и сходим, поздравим, – и заметив огорчение в глазах Шемшат, Клыч прибавил. – Ты пока подарки приготовь, а я к тому времени вернусь, не волнуйся.

– Вах, подарки-то готовы.

Шемшат вернулась в дом, а Клыч стал готовить свой мотоцикл в дорогу. Приторочил к заднему сидению узелок, что собрала ему Шемшат, подтянул тягу. Парень крутился рядом, не зная, чем помочь. Клыч окликнул его:

– Ты уж не обессудь, друг, – просьба одна есть.

– Говори, Клыч-ага! – с готовностью откликнулся тот.

Но Клыч мешкал, что-то снова сердце заняло. «Милое дело, – думал он, – собирать эту травку, что дитем пахнет!.. Был бы у меня сын, захватил бы его с собой в степь, сказал бы: «Сынок, пока я вернусь, собери здесь шпинату». Эх, жизнь!..» Он не позволил себе раскиснуть, взял себя в руки.

– Жена попросила немного шпинату привезти. В окрестностях Гупбали его много растет. Ты уж выручи, пока я по следу волка поеду, ты там собери немного травки к моему возвращению.

– Какой может быть разговор, Клыч-ага. Соберу всю, что есть.

Пора было ехать, но Клыч все медлил. Странно, утром ему больше всего на свете хотелось в степь, насладиться азартом охоты, степным простором. Теперь же, когда такая возможность предоставилась, он не испытывал радости. Какое-то нехорошее предчувствие томило его. Он глянул на небо. Тучи были еще ниже, еще черней, чем ранним утром. Кто знает, может они не успеют проехать и половины пути, как хлынет ливень и смоем все следы. Но Клыч понимал, что это только отговорка, с помощью которой можно уклониться от схватки с волком. Но себя-то не обманешь!.. «Интересно, каким он будет, этот зверь?» – подумал Клыч и почему-то представил матерого зверя, жестокого и

безжалостного.

Пора!.. Они поехали – чолук-подпасок впереди, Клыч следом, хотя он знал дорогу, пожалуй, даже лучше проводника. За фермой съехали с шоссе. Хорошо укатанная грунтовка завораживая взгляд убегала под колесо, ровно урчал двигатель – Клыч вел мотоцикл почти машинально, а мысли его были заняты спором с братом, с племянником. Он знал, что и непроходящее чувство усталости, и тревожное ожидание схватки с волком – все этого из-за того, что он понервничал утром. «Что за жизнь проклятая, – думал Клыч, распаляя себя еще больше. – Прежде воровать вынуждал голод, а теперь?.. От сытости воруют, от жадности!». Он представил племянника. Здоровенный детина, хотя учится еще в девятом классе. На голове копна волос – теперь, говорят, так модно. Вспомнил, как сделал Умыту замечание, мол, подстригись, что ты как баба. А в ответ услышал отповедь: «Вы, может, не знаете, дядя Клыч, но наш пророк Мухаммед тоже носил длинные, до плеч волосы. Говорят, когда видел красивую женщину, то от волнения теребил их. Вы что же, дядя Клыч, не хотите, чтобы ваш любимый племянник походил на святого пророка? Смотрите, пророку это может не понравиться.» Любимый племянник!.. Черт с ними, с этими длинными волосами, – бесил тон, каким разговаривал с ним Умыт: вежливо, с улыбочкой – не придерешься, но в то же время с презрительной иронией и нескрываемым чувством собственного превосходства.

Может, от того, что у него не было собственных детей, Клыч особенно остро чувствовал, как уродует чистые детские души непомерная, бездумная любовь родителей. Да разве это любовь? Не о детях они своих думают, не о их будущем, а о том, как самим себе доставить удовольствие. «Что вы делаете, люди!» – порой хотелось кричать ему. Но кто станет слушать его? Это все равно, что кричать здесь, в безлюдной степи. А даже если и выслушает кто, так за дурака примет.

А каким бы отцом стал он сам? Этот заданный себе вопрос заставил его вспомнить далекое детство, счастливую пору беззаботных игр с соседской девочкой. Важно ступая, заложив руки за спину (подражая кому-то из взрослых), он заходил в их невсамделишный, разместившийся в зарослях тамариска дом и с

чуть ли не с порога кричал: «А ну, чай неси! Есть хочу!» А «жена» дрожащим, умоляющим голосом просила: «Ой, отец, потише, детей разбудишь!» и, подхватив на руки малыша – щепку, завернутую в тряпичный лоскут, принималась его укачивать, приговаривая шепотом: «Не плачь, мой хороший. Твой папа устал, сейчас покормлю его, а ты полежи пока тихонько». Как всегда, эти воспоминания повергли Клыча в тоску. Нет, видно, не дано ему смириться. А каково Шемшат? Она только виду не подает. Ему показалось, что он слышит ее голос. «Да, не переживай ты так, старый, из-за того, что не дал нам Аллах детей! Видно, так нам на роду написано. Счастье наше в ином. Иной человек умрет и тотчас исчезнет из памяти людской. Даже родные дети его не часто вспоминают. Ты – другое дело. Люди тебя долго добрым словом поминать будут, а заодно и меня вспомнят. Мол, хорошая жена у Клыча была. Мне и этого хватит!».

Клыч тяжело вздохнул. «Кошачьи нежности», – подумал он и улыбнулся – сердце его немного оттаяло.

Они добрались до низины Гупбалы к полдню, но было сумрачно, как вечером. Черные тучи, казалось, придавили окрестные холмы своей тяжестью.

– Слава Аллаху, что успели до дождя! – Старший чабан почтительно поприветствовал Клыча и повел его посмотреть на волчий след. И с первого взгляд след показался Клычу знакомым. Как утром!.. И в том, что дважды за день ему придется идти по знакомому следу, он почувствовал особый смысл, предзнаменование. Да, это был след того самого зверя, которого он пощадил однажды. Клычу даже показалось, что он вновь видит полные отчаяния и страха золотые бездонные глаза волчицы. Тогда она должна была вот-вот ощениться, и он не стал убивать ее. Да, как видно, зря! Клыч даже побагровел от гнева, но потом постарался успокоить себя: «Если человек преступает клятву, то чего ждать от зверя!».

След был знакомым, но некоторые доступные взгляду опытного следопыта отличия ясно говорили о том, что волчица на этот раз напала на отару лишь из-за куража, а не потому что была голодна. И за это теперь придется поплатиться!..

След уводил на восток, но Клыч знал, что это только уловка,

чтобы запутать возможных преследователей, а на самом деле логово волчицы на запад от Гупбалы. Туда он и направился. Миновав три гряды остановился, чтобы чуть спустить шины – дальше начинались зыбучие пески. С вершины холма, глядя на лежащее у ног море песка, Клыч, подобно рыбаку, который, взглянув на рябь, может сказать, где мель, а где глубоко, прикинул, как ему лучше ехать.

Может из-за того, что внезапно переменилась погода, Клыч чувствовал себя нынче не так, как обычно. Беспокойно было на душе, муторно. И даже охота не помогла развеяться, напротив, тревожащее его сомнение нарастало. «Мамет, наверное, прав, и мне пора отказаться от этого занятия? Возможно сегодняшние совпадения – предзнаменование, а не случайность», – снова подумал он. Теперь ехал он неспеша, и ласковый ветерок обвевал лицо. Легко сказать – откажись, рассуждал Клыч. Когда пол жизни минуло разве удастся перемениться. Теперь уже поздно начинать новую жизнь. Да, если откровенно, он и не чувствовал в этом необходимости. Ему нечего стыдиться. Разве что он слишком простодушен и прямолинеен, как волки.

Волки – и это было Клычу известно с детства – пока не преодолеют вставшего на их пути препятствия, лучше умрут, чем отступятся. Это знали и далекие предки наши, когда шли против волка с одним ножом. Обматывают левую руку кошмой и выставляют вперед, чуть ли не в самую пасть, и, пока волк рвет войлок, охотник может спокойно орудовать ножом. Не одному волку его простота стоила жизни! Но Клычу это волчья повадка нравится вовсе не потому, что она однажды спасла ему жизнь. Нет, не поэтому. Хотя волки его враги, это – единственное, чем бы он согласился походить на них. Но разве удастся? Слишком много ловушек и опасностей вокруг.

Он проехал километров двадцать пять и остановился возле большого старого саксаула. Слез с мотоцикла, прислонил его к корявому, причудливо изогнутому стволу дерева. Снял ружье, зарядил его и, держа наизготовку, направился к волчьему логову.

День уже клонился к вечеру, но дождь, что собирался с самого утра, так до сих пор и не пошел, однако и не распогодилось.

Клыч взглянул на небо. Облака неслись, догоняя друг друга, образуя в вышине причудливые нагромождения. Когда же наконец прорвет эти громадные мешки с дождем? Ведь с самого утра люди ждут дождя. А ждать – так считал Клыч – хуже всего на свете. «Эх, хлынул бы сейчас ливень, чтобы напоить землю, утолить ее жажду!» – подумал он, но тотчас сообразил, что теперь время для этого как раз самое неудачное. Лишь начнет накрапывать дождь, волчица с волчатами укроется в норе, что значительно усложнит его задачу. «Ладно уж, – усмехнулся он, – ждали с утра, подождем еще немного».

Клыч приближался к волчьему логову не таясь. Что с того, если волчица заметит его издали. Теперь ей все равно конец. Пусть убегает, если хочет, но от судьбы не уйти, а Клыч сейчас воплощал собой грозный рок. Если потребуется он день, и два дня будет идти по следу. Однажды он двое суток преследовал волка, пока не загнал его, а после этого прошел еще почти столько же, неся тяжелую волчью шкуру, ту самую, что он потом подарил Мамету. Но тогда во время охоты он испытывал не усталость, как теперь, а радостное, азартное возбуждение.

Он знал, что волчица теперь отдыхает и, если не начнется дождь, проспит еще около часа. За это время и надо ее прикончить, решил Клыч. Теперь, когда он был совсем близко от норы, так близко, что ясно различал храп волчицы, он стал идти крадучись, стараясь раньше времени не встревожить зверя. «Бедняга, – думал он, глядя на свежий волчий след, четко отпечатавшийся на чистом песке, – похоже, она этим барашком и не полакомилась, как следует». Если бы волчица не храпела так противно, он возможно, испытывал бы к ней даже жалость.

Вытянувшись во всю длину волчица спала у входа в нору. Сидевшие чуть в стороне волчата поначалу насторожились, но потом, смешно виляя хвостами, двинулись к охотнику. Стрелять в спящую волчицу Клычу не хотелось, и он сначала решил, что дождется, пока волчица проснется. Но миг спустя подумал, что так поступать неразумно – он лишится преимущества, которое дает ему внезапность. Но и слушать храп волчицы было нестерпимо. Пусть проснется, взглянет в лицо своей судьбе!..

Носком сапога он несильно пнул в бок приблизившегося к нему

волчонка. Тот завизжал, и волчица тотчас проснулась. Страшный черный человек стоял шагах в десяти от нее с ружьем наизготовку. Первым желанием волчицы было бежать прочь, но силы как-то разом оставили ее. От страха она протяжно завывала. Потом, немного успокоившись, зарычала и стала готовиться к прыжку. Но воля ее была сломлена еще с прошлого раза, и она, не решившись напасть на своего врага, заметалась, потом села и, моля о пощаде, подняла передние лапы. То, что волчица сидела так, готовая безропотно принять свою судьбу, дало Клычу мгновение передышки.

Он глянул на небо. Усилившийся к вечеру ветер быстро гнал тучи на восток, точно не хотел, чтобы Клыч насладился «шепотом молодки». Но облака были слишком тяжелы, слишком полны влагой – так что без дождя сегодня наверняка не обойдется. Но он будет идти недолго – хлынет, прошумит, а после него небо очистится во всю свою ширь.

Осман ОДЕ.

Powestler